

УДК 94 (571.12) 162 + 656.12 (571.12) 162

О.В. СЕМЕНОВ

ЯМСКИЕ ПРИКАЗЧИКИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVII в.*

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Екатеринбург
e-mail: olegas2003@list.ru

В статье рассматривается приказное руководство западносибирских ямов в эпоху позднего средневековья. Определен порядок назначения на должности ямских приказчиков, выявлены объемы их властных полномочий и степень самостоятельности, установлены формы обеспечения. Сделан вывод о серьезной роли данных должностных лиц в деле налаживания и функционирования системы регулярного сообщения в крае.

Ключевые слова: ямской приказчик, ям, ямщик, система сообщения.

Стремительное продвижение русских на восток, начало которому было положено походом Ермака, вызвало острую необходимость в налаживании системы регулярного сообщения между Москвой и далекой «государевой отчиной». Вот почему с конца XVI в. на территории Зауралья и Западной Сибири зарождается профессиональная ямская гоньба. Здесь поочередно возникают Верхотурский, Туринский, Тюменский, а в последующем Демьянский и Самаровский ямы.

Хорошо известно, что отдельная ямская слобода представляла собой особую административную единицу, жизнь и деятельность которой основывалась на традициях общинного самоуправления. В случае необходимости население собирало сход. На нем решались важнейшие вопросы жизни «мира» и избирались должностные лица, которые размещались в «ямской

мирской избе»¹. Возглавлял органы самоуправления староста. В его непосредственные обязанности входили отпуск подвод, участие в разбирательстве мелких правонарушений со стороны ямских охотников и членов их семей и т.п. Он также представлял слободу во внешнем мире. Кроме того, на сибирских ямах имелись десятники. Для предоставления ямщикам нарядов на поездки на сходе могли избираться окладчики. Все текущее делопроизводство слободы находилось в руках ямских дьячков.

Профессиональная гоньба в крае с момента своего возникновения была поставлена под пристальный контроль со стороны местных властей. Не случайно подлинным распорядителем ямского дела в рамках вверенной ему территории являлся воевода. Последний в ряде случаев опирался на непосредственно подчинявшееся ему должностное лицо – ямского приказчика.

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК 02.740.11.0578.

¹ ГАПО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 170. Л. 7 об.

К сожалению, в научной литературе фигуре ямского приказчика до сих пор уделялось незаслуженно скромное внимание. Зачастую исследователи ограничивались краткой и довольно общей характеристикой данного должностного лица, при этом упуская из виду наличие региональных особенностей. По-прежнему остается немало вопросов вокруг механизма назначения ямских приказчиков, форм обеспечения, функций, сроков их деятельности, степени самостоятельности и т.п. Настоящая статья основана на сибирских материалах позволяющих отчасти восполнить указанный пробел.

По всей видимости, «за Камнем» в эпоху Позднего средневековья ямские приказчики действовали не везде. В настоящее время их наличие установлено лишь по отношению к Демьянскому и Самаровскому ямам². Оба этих населенных пункта располагались на Иртыше, играя роль связующего звена между отдельными частями края. Через них проходил основной поток людей и грузов, направлявшихся в Восточную Сибирь и обратно. По своим роли, значению и функциям ямские приказчики отчасти напоминали руководителей крестьянских слобод. Как и последние, они по отношению к подчиненному населению выступали в роли своеобразных «воевод в миниатюре».

Ямские приказчики назначались приказной избой (посредством подачи челобитных) обычно из числа местных детей боярских³. Зачастую назначение осуществлялось непосредственно Москвой⁴. Поскольку обладание данной должностью сулило серьезные выгоды, то для служилого человека она являлась желанной. Нет никакого сомнения в том, что ее получение сопровождалось подношением соответствующих «посулов» представителям государственной администрации⁵. Перед отправлением к месту службы приказчи-

ку выдавалась инструкция, в которой прописывались его должностные обязанности и содержались предостережения против возможных злоупотреблений. Так, царской грамотой (апрель 1686 г.) тобольскому воеводе А.П. Головину предписывалось послать на Самаровский ям «человека доброго, кого пригож, и в наказе ему... написать с великим подкреплением», чтобы он «проезжим всяких чинов служилым и торговым людям и самаровским жителем» утеснений не чинил⁶. К месту службы должностное лицо выезжало в сопровождении родственников. Не случайно в марте 1676 г. на Демьянском яме вместе с приказчиком тобольским сыном боярским С. Кобылинским находились его сыновья Иван и Кондратий, а отпущенный в сентябре 1698 г. в Тобольск Ю.И. Глинский покидал Самаровский ям вместе с женой и «своими» людьми⁷.

В ямской слободе приказчик действовал наряду с выборным старостой. Несмотря на нечеткость разграничения функций между ними, следует отметить, что первый, как представитель государственной администрации, занимал доминирующее положение, располагая при этом обширной компетенцией, затрагивавшей многие стороны местной жизни. Возглавляя судную (или «приказную») избу, он осуществлял надзор за действиями старосты и прочих должностных лиц ямского управления, следил за регулярностью их выборов и при необходимости мог применять наказания. Так, в 1682/83 г. самаровский приказчик А.М. Ушаков ямского старосту И. Серебрянникова «в колоду садил за вину его», «что он без ведома его, Афонасьева, роздал проезжим всяких чинов людям, на дощаники подводы» [1, с. 153].

По мнению ряда исследователей, ямские приказчики в России постепенно утратили свое значение. Логическим итогом этого стала их ликвидация во многих областях страны в 1679 г. [2, с. 33; 3, с. 182]. Тем не менее в Сибири данные должностные лица продолжали существовать. Более того, на протяжении всех десятилетий XVII в. они играли важную роль в обеспечении исправного функционирования системы регулярного сообщения в крае.

Основная задача, поставленная перед ямским приказчиком, заключалась в обеспечении бесперебойного функционирования системы ямской гоньбы. Вот почему он контролировал отпуск подвод, следил за тем, как ямские старосты ведут загонные книги, принимал участие в приборе на опустевшие паи «охотников» и, по-видимому, брал с них «выборы», которые затем отправлялись в приказную избу. По распоряжению Разрядного приказа приказчик также мог отводить ямщикам земли под пашни и сенные покосы, осуществлять контроль над поземельными сделками в рамках вверенной ему территории и т.д.

В Сибири ямские приказчики имели отношение и к вопросу обеспечения ямщиков жалованьем. К при-

² Отсутствие приказчиков на Верхотурском, Туринском и Тюменском ямах объясняется, скорее всего, тем, что все они находились при городах. Что касается Демьянского и Самаровского ямов, то они располагались на значительном удалении от Тобольска (которому подчинялись). С целью эффективного управления и контроля над ними привлекались непосредственные представители воеводской администрации.

³ По XVII в. известны указы, согласно которым ямских приказчиков в европейской части страны следовало назначать из числа «отставных дворян». Что касается руководства сибирских ямов, то оно комплектовалось из людей, продолжавших состоять на государственной службе.

⁴ По крайней мере, такого рода примеры известны по ямам Центральной России. Добивались своего назначения через территориальный приказ и многие из претендентов на должности приказчиков крестьянских слобод (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Стб. 3207. Л. 3; Стб. 3003. Л. 31; Ф. 214. Оп. 3. Стб. 496. Л. 86а–89; Стб. 1056. Л. 718–719); Стб. 560. Л. 97–98, 404–405, 476–477.

⁵ Известно, какие огромные взятки давали сибирские служилые люди за то чтобы занять пост слободского приказчика. О напряженной борьбе за должности руководителей ямов свидетельствуют и материалы по центральной части страны (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Стб. 3508. Л. 1).

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 310.

⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 610. Л. 357; Кн. 1208. Л. 655 – 655 об.

меру, в начале 1689 г. самаровский ямской челобитчик И. Корепанов получил в Москве 1000 руб. Разрядным властям предписывалось всю эту «казну» «записать в приход», после чего «без задержанья» отправить на Самаровский ям. Здесь присланные из Первопрестольной средства необходимо было раздать ямщикам на текущий 1688/89 г. «в их оклады всем налицо при прикащиках и при старостах». В последующем «те роздаточные книги с того яму за прикащиковыми и за старостинными руками» следовало «прислать... в Тоболеск, и в Тоболску тое дачу написать в росходную книгу и в сметной список»⁸. Впрочем, права на самостоятельное изменение окладов жалованья ямщиков прикачки не имели.

Немаловажную роль в жизни ямской слободы играла церковь. Помимо богослужений, в ней будущих ямщиков приводили к крестному целованию [4, с. 9]. При церкви же могли храниться мирские казна и документы. Самаровский церковный причт (поп, дьякон (дьячок), пономарь) находился на казенном обеспечении⁹. Именно ему ямскими прикачками из местных сборов выдавалось денежное жалованье¹⁰.

Судебная компетенция ямских прикачков оставалась довольно скромной. Тем не менее, нельзя согласиться с мнением И.Я. Гурлянда, будто в Сибири данные должностные лица «скоро утратили» в этой области свои полномочия [5, с. 196 – 197]. Прикачки совместно с ямским старостой судил насельников слободы по незначительным искам, за что взимал соответствующие пошлины. Суд по более серьезным преступлениям осуществлял воевода. Так, в 1685 г. самаровцы обвинили ямщика И. Хозяинова в недобросовестности. Первоначальное следствие по этому делу проводил прикачки Ю. Глинский. В ходе разбирательства выяснилось, что в 1683/84 г. Хозяинов по поручению «мира» ездил в Москву, где получил две грамоты «о их ямщицких нуждах». Однако на обратном пути, в Тобольске, документы у него украли «воровские люди». Стремясь избежать наказания, незадачливый челобитчик не объявил об этой пропаже ни воеводским властям, ни ямщикам. «Допросные речи» вместе с отпиской и челобитной самаровцев Глинский отправил в разрядный центр. И уже здесь воеводы вынесли окончательный вердикт: Хозяинова «на Самаровском яму... бить батоги»¹¹. Впрочем, нельзя исключать и того, что недовольные своим приказчиком слобожане сами могли переносить разбиратель-

ство в вышестоящую инстанцию. Во всяком случае, именно так поступало население крестьянских слобод. Что касается дел по духовным преступлениям, то они рассматривались церковным судом.

Самаровские и демьянские ямские прикачки были причастны к взиманию разнообразных поборов. Так, они участвовали в сборе общегосударственных налогов («десятой деньги»), пошлин с продажи скота, «явочных денег» «с пив и браг», оброка с рыбных ловель и гулящих людей и т.д. Тем не менее, как и другие представители местной администрации, прикачки не имели права на самостоятельное расходование казенных средств, а также на освобождение или предоставление населению отсрочки от уплаты налогов. При необходимости по отношению к нарушителям они могли применять карательные санкции. Так, в 1653/54 г. самаровский прикачки Б. Детков «взял на... государя и прислал в Тоболеск» у проезжавших через ям пеших казаков Д. Горохова и Д. Табакова, черную и черно-бурую лисицы, которых служилые люди «тайным обычаем» купили в Березове и пытались спрятать «в коробе, в перье»¹².

В обязанности данных должностных лиц входили также функции полицейского характера. Именно они контролировали нравственное состояние ямщиков: боролись с пьянством, не допускали азартных игр между ними и т.д. Следили прикачки и за тем, чтобы в слободе не укрывались беглые и преступники.

Довольно широкие полномочия ямских прикачков в Западной Сибири способствовали тому, что на протяжении XVII в., в связи с потребностями дальнейшей государственной централизации, воеводские власти стремились поставить их под свой более пристальный контроль. В случае нерадивого выполнения обязанностей должностное лицо ожидало возмездие. Например, в апреле 1654 г. самаровского и демьянского прикачков предупредили о том, что если они не будут унимать ямщиков от «воровства», то им грозит наказание «как они доведутца»¹³. Вместе с тем, трудно сказать, имел ли воевода право на самостоятельное смещение недобросовестного администратора¹⁴.

По-видимому, строго установленных сроков «сидения на приказе» на сибирских ямах не существовало. Во всяком случае, на практике они могли колебаться от нескольких месяцев до нескольких лет. При смене администратора соблюдалась процедура строгой отчетности, когда новый прикачки принимал у старого все дела. При этом составлялись «рописной» и «счетный» списки. Оба они доставлялись в приказную избу. Съезд прикачки без передачи дел считался незаконным.

¹² Там же. Стб. 476. Л. 348 – 349.

¹³ Там же. Стб. 480. Л. 207.

¹⁴ Скорее всего, как и в случае с прикачками крестьянских слобод, здесь отсутствовало какое-либо общее правило: в одной ситуации воевода самостоятельно заменял должностное лицо, в другой – на это требовалась санкция Москвы.

⁸ Там же. Оп. 3. Стб. 1021. Л. 86.

⁹ Церковный причт на Демьянском яме, согласно переписи 1683 г., содержало население. Однако уже в конце 1680-х – начале 1690-х гг. поп «с причетники» получали денежное жалованье из местных казенных доходов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 178 – 179; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607, 1637).

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 640. Л. 3, 5 об., 10; Оп. 3. Стб. 990. Л. 172, 177, 178, 179; В отличие от денежного, хлебное жалованье духовенству Самаровского яма, как и ямщикам, присылалось из Тобольска или слобод.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 29.

Нам известно очень мало о формах обеспечения ямских приказчиков в Сибири. Как и руководство крестьянских слобод, они получали казенное жалование. Не случайно, за Ю.И. Глинским, который с осени 1684 г. по весну 1687 г. возглавлял Самаровский ям, одновременно числился оклад денежного обеспечения в размере 20 руб.¹⁵ Одновременно население уплачивало в пользу приказчиков всевозможные легальные и полунелегальные поборы («кормы», «почести», «посулы» и т.д.), а также выполняло массу разнообразных «поделок». Вдобавок, администратор мог иметь собственное хозяйство.

Столь широкие полномочия, территориальная удаленность и относительная самостоятельность толкали на немалые злоупотребления со стороны руководства ямов¹⁶. Так, в 1654 г. демьянцы жаловались на своих приказчиков, которые «пиво варят, и, накуря, продают всяким людям, и от того де винного куренья в слободе чинятца пожары частые». Подытоживая челобитную, ямщики заключали, что им от своих администраторов «чинитца обида и налога болшая»¹⁷. Необходимо отметить, что чрезмерные злоупотребления приказных дельцов наталкивались на яростное сопротивление сибирских «миров». При этом власти старались учитывать интересы ямщиков и со вниманием относились к их жалобам. Тем не менее заслуженная кара постигала администратора-корыстолюбца не всегда, но лишь в том случае, если своими действиями он ослаблял государственную власть. К примеру, в апреле 1686 г. руководство Сибирского приказа предписало тобольским властям сменить самаровского ямского приказчика Ю. Глинского «тотчас» из-за того, что он «проезжих всяких чинов служилым и торговым людям приметками своими» чинил утеснения. Тем не менее, это распоряжение выполнено не было, и Глинский оставался на своем посту вплоть до марта 1687 г.¹⁸ Далеко не всякие действия местной администрации, квалифицируемые «мирами» как злоупотребления, точно так же оценивались правительством.

На протяжении XVII в. положение сибирских ямщиков неуклонно ухудшалось. Причина этого заключалась не только в поджидавших на пути опасностях, суровых природных условиях и многочисленных злоупотреблениях со стороны представителей местной администрации и проезжих лиц, но также в политике

властей, нацеленной на извлечение максимальных доходов при соблюдении строжайшей экономии финансовых средств. Все это вынуждало ямщиков прибегать к активным формам протеста, перед которыми ближайшие к ним представители государства – приказчики – оказывались порой бессильными¹⁹. Так, 19 марта 1645 г. приказчик С. Гольинский потребовал у самаровцев выделить направлявшемуся «для... сыскных дел» в Мангазею тобольскому подьячему необходимые средства передвижения. Однако «охотники» ему «в подводах... отказали». Свой поступок они мотивировали тем, что уже на протяжении нескольких лет не получали хлебного жалования, отчего «нужны и бедны»²⁰. По всей видимости, тогда для насельников Самаровского яма подобное своеволие осталось без каких-либо последствий. Впрочем, чаще всего воеводы довольно оперативно реагировали на все случаи неповиновения со стороны ямщиков и сурово наказывали их за действия, грозившие нарушить бесперебойное функционирование системы гоньбы в крае и подорвать авторитет носителя верховной власти. Не случайно 23 декабря 1641 г. в Тобольске ямщики Т. Облупин «с товарищи» были «биты по рядом в проводку кнудом за их воровство и за непослушание, за то, что они на Самаровском яму воровали, приказчиков не слушали и старост били и гонцам подвод не давали»²¹.

Таким образом, на протяжении XVII в. ямские приказчики являлись заметным звеном системы местного управления в далеких «закаменных» территориях. Обладая довольно широкими полномочиями и находясь под контролем воеводской администрации, они играли важную роль в налаживании и функционировании системы регулярного сообщения в крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997.
2. Виташевская М.Н. Старинная русская почта. М., 1962.
3. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.
4. Шапков А.Т. Самаровский ям: как возникла будущая столица Югры // Родина. 2005. № 12.
5. Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900.

¹⁵ Впрочем, на протяжении XVII в. власти предпринимали отдельные шаги, направленные на то, чтобы полностью перевести приказчиков крестьянских слобод на содержание населением. Трудно сказать, касались ли данные нововведения руководителей ямов.

¹⁶ Этому в немалой степени способствовал распространенный в среде служилых людей взгляд на отправление любой административной службы как на возможность поправить свое материальное благосостояние.

¹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 480. Л. 193.

¹⁸ Там же. Стб. 354. Л. 310.

¹⁹ В отличие от приказчиков крестьянских слобод, руководство Самаровского и Демьянского ямов не имело в своем распоряжении беломестных казаков. Отсутствие военной силы, безусловно, ограничивало возможность применения карательных санкций.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 78.

²¹ Роспись, кому именем и за какую вину, какое наказание было с приезде в Тобольск воевод князя П.И. Пронского, да Ф.И. Ловчикова, да дьяков И. Трофимова, да А. Галкина // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 1. С. 30.